

Ольга Воскресенская

**НЕ ТАК, КАК У ЛЮДЕЙ
КОНКУРЕНТ КОНКУРЕНТУ — ДРУГ**

**ВЕЛИКИЙ УЖАС
ВЕЛИКИЙ УЖАС. КРОВЬ ДРАКОНОВ**

Диалогия
«Выбор решает все»

**ВЫБОР РЕШАЕТ ВСЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫБОРА**

ПОСОЛ НА ПОДМЕНЕ

Ольга Воскресенская

Посол на подмене

Роман

Москва, 2018
 ARMA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В76

Художник
С. Бабкина

Воскресенская О. Н.

В76 Посол на подмене: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 282 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2728-4

Не везет белавским послам в Таримане — прямо мор какой-то! Вопрос о границах не решен, король злится, желающих получить «заманчивую» должность не осталось. Так почему бы не вспомнить про опального подданного? Маг, отличный дуэлянт, да и не жалко его... Решение принято, однако у Судьбы свои планы. Хотели Н. Иберникского в посылы? Получите! Только потом не удивляйтесь и не жалуйтесь, политесу не обучен. Инструкции, говорите, прилагаются? Ну-ну. В приоритете главная инструкция — выжить!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Воскресенская О. Н., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2728-4

ПРОЛОГ

— Фин Астор, могу я узнать, что вы решили касательно разграничения спорных земель? — окликнув министра иностранных дел Таримана, поинтересовался посол Белавии. На своем языке, разумеется.

— А-а, барон Орэт, мы еще не закончили полное обследование и оценку территории, придется вам немного подождать, — отозвался статный мужчина на белавском. — Надеюсь, вы нашли приемлемыми выделенные апартаменты и не будете в обиде за то, что в гостях пробудете немного дольше, чем планировали. Как только вопрос решится и чери Грант подпишет бумаги, вы первым об этом узнаете.

Посол сохранил вежливое выражение лица, хотя его одолевала досада. Он-то подождет, куда денется... Но сколько можно? Он тут уже неделю торчит среди этих дикарей! Орэт чувствовал себя в Таримане чрезвычайно неуютно. У него никак не получалось разобраться ни в системе титулования, ни в характере местных жителей. То ли дело у них в Белавии... Король так и именуется королем или его величеством, роль герцогов, маркизов, виконтов, графов и баронов в обществе тоже абсолютно понятна, их никак не спутать с престономародьем. А тут... Пойди пойми, где знать, а где быдло! Нет, положим, должность тоже вполне достаточно говорит о человеке... Но ведь эти дикари предпочитают обращаться не по титулу, не по должности, а по цвету глаз! Син — к синеглазым, фин — к людям с фиолетовыми очами, зел — с зелеными, чери — с черными и кори — соответственно с коричневыми. И среди каких-нибудь чери, например, могут встречаться как правитель Таримана и министр финансов, так и крестьянин или подметальщик улиц. Посол уже утомился вглядываться в чужие глаза. Дома он старался никогда не смотреть на собеседника прямо,

лица изучал только украдкой или боковым зрением. При его прошлых должностях и положении врать доводилось много и часто, а это лучше делать так, чтобы собственный взгляд не выдал. Нет, глазами определено лучше ни с кем не встречаться. Однако тут приходится!

Орэт посторонился, чтобы освободить проход фину Астору, а потом произвольно отступил еще на пару шагов назад. За министром иностранных дел в дверной проем кабинета, куда он не успел зайти, лениво прошествовала проклятая мурчиана. Неизменная спутница любого тариманца-мага.

Все местные жители рождались с даром к магии, но при этом с абсолютно пустым резервом, их сил не хватало на создание самого простого заклинания. И только в день совершеннолетия некоторые из них могли стать полноценными магами, если их избирала мурчиана. Эти животные выглядели как обычные котята во всем мире, но были гораздо умнее и соблазнительнее и умели увеличиваться в размерах в несколько раз. До вступления в союз с человеком габариты менялись хаотично и неконтролируемо, после — по желанию самих кошек или по просьбе хозяина. Но чаще всего предпочтительной являлась укрупненная форма. В лице мурчианы тариманец получал не только практически бездонный резерв магических сил для подпитки плетений заклинаний, но и неуязвимого для магии зубастого и когтистого охранника с грацией и стремительностью огромной кошки. А еще возможность и самому трансформироваться для битвы, на небольшой промежуток времени став чуть выше, мускулистее, сильнее и быстрее. Натуральные оборотни! Однако хотя бы в мирное время тариманцы выглядели как обыкновенные люди.

Так что неприязнь посла в основном активно вызывали опаснейшие мурчианы. Им позволялось практически все. Будь ты хоть обычный гость, хоть король соседней страны, а обязан во имя мира терпеть их выходки, не смея тронуть хоть пальцем, — табу. А эти твари словно чувствовали неприязнь. Они могли ни с того ни с сего куснуть, царапнуть, рыкнуть, напугав до полусмерти, или, наоборот, поластиться. Но к послу почему-то никто не ластился. Казалось, большие кошки платили взаимностью. Барон даже опасался поворачиваться к ним спиной. Впрочем, они и сами умели великолепно подкрадываться сзади и пугать.

Надо сказать, что среди тариманцев посол так и не нашел ни друзей, ни приятелей, ни просто людей, которые хотя бы мало-мальски вызывали у него симпатию. Его раздражала дисциплина местных, неукоснительное следование каким-то своим непонятным правилам и то некое высокомерие, с которым они смотрели на тех, кто слабее, но свободнее в поступках. Они очень ценили силу — будь то сила воли, сила магии или воинское мастерство, позволяющее выигрывать в борьбе или поединках на шпагах. Посол же не утруждал себя тренировками, любил вкусно и много поесть, выпить... Тьфу! Тут в качестве компании за стол и пригласить некого! Зря он, наверное, так обрадовался освободившейся должности, позволяющей напрямую накоротке разговаривать с королем Белавии, отправлять на его имя письма с помощью специальной зачарованной шкатулки, высказывать мнение, зря поспешил выдвинуть свою кандидатуру, зря сменил непыльное место в исполнительном комитете при министерстве на звание дипломата. Хотя вон у него знакомые в других странах просто благодарствуют, очень довольны и службой, и открывшимися возможностями. Надо было бы насторожиться и подумать — ведь не зря в дипмиссии в Таримане такая текучесть кадров. Кто подал в отставку (в основном мелкие сошки из служащих), кто погиб на дуэли с местными... Еще бы не погибнуть, если тут натуральный культ воинов! А кто-то ведь и пропал без вести или был убит не установленными лицами...

Прижавшись к холодной каменной стене узкого коридора перед кабинетом министра иностранных дел, Орэт выждал еще немного, чтобы мурчиана с хозяином отошли подальше, после чего медленно направился к выходу, шарахаясь и уступая дорогу местным. Вот еще одно раздражающее обстоятельство: они довольно часто перли напролом, никого не пропуская. И где вежливость по отношению к гостю? Где любезные жесты и улыбки? Где извинения, на худой конец? Послу уже не только все ноги оттоптали, испортив дорогие лакированные туфли и оторвав с них приклеенные для эффекта аметисты, но и на предплечьях синяков наставили своими локтями и массивными тушами. У-у-у, психи крашенные! Почему крашенные? Да потому, что у тариманцев была особая традиция — использовать жидкие тени, к каким обычно прибегали в Белавии для красоты только женщины, для того чтобы провести

под бровями полоску под цвет глаз. А тариманки и веки могли затонировать. Но неизменно под цвет очей и созвучно обращению к себе. Других оттенков раскраски Орэт за неделю совсем не заметил.

— Чери Лаврет, — мимоходом склонился в поклоне посол перед министром финансов и отскочил, когда его наглая рыжая мурчиана решила заинтересоваться провисшими цепочками, спадающими на грудь и на живот. Иначе какой же он барон без украшений, подчеркивающих статус!

Встреченный министр едва заметно кивнул, изрядно разозлив посла.

Н-да... Барон с трудом удержал на лице любезную улыбку. Даже с оборотнями западного королевства у белавцев наблюдалось больше взаимопонимания и теплоты. Но ничего не попишешь, земли тариманцев на севере непосредственно прилегают к их землям. Соседи, будь они неладны! И так за последнее время наметился заметный прогресс. В прошлом Белавия даже воевала с Тариманом. Проиграла, правда, утратила ряд провинций... А одно графство и подавно добровольно ушло в состав Таримана вместе с людьми. К сожалению, у короля тогда не было ни полноценного войска, ни иного средства, чтобы подавить бунт. Решение проблемы отложили и тем самым упустили время. Лет этак сто. А потом еще десять пытались доказать тариманцам, что это по праву территория Белавии, она не была захвачена в войне, и, следовательно, земли надо вернуть. Нет, по-честному надо бы все... Но они будут рады, если эти ненормальные хотя бы половину ради установления дружеских отношений отдадут! Вроде теперь компромисс достигнут после долгих лет переговоров. Деревня и графское поместье с людьми однозначно останутся в Таримане, Белавии не нужны потомки предателей, успевшие немного повредиться в уме и перенять скверные нравы и законы. Однако остальную территорию соседи согласились поделить пополам. «По-дружески». Решили бы уж только быстрее и без его участия, — вдоль или поперек. То ли отступить на равное расстояние от границ обоих государств и там провести черту, то ли каждому по выступающему клину на карте пририсовать. Причем при последнем варианте перед послом опять вставала дилемма — западный участок требовать или восточный? Король оставил этот вопрос на его усмотрение на случай, если

удастся поторговаться с тариманцами. Но ведь потом по результатам ему, Орэту, могут достаться не только благодарности, но и шишки!

В раздражении посол пересек огромный холл и подошел к двери, выходящей на простирющуюся перед дворцом площадь с фонтаном. Но едва он потянул за ручку, ему наперерез вдруг кинулся котенок. Не взрослая кошачья особь, контролирующая свои размеры, а мелюзга нехорошего черного цвета. Тьфу! Не к добру! Может, выйти хотел, может, просто развлекался, пытаясь свалить человека. Но тут посол не выдержал, совпало все — и плохое настроение, и опаска, что сроботает нехорошая примета, и относительная беспомощность крохотного котенка, и пустота холла... Пинком он отшвырнул мурчиану в сторону и с чувством удовлетворения вышел из дворца, где находились кабинеты нужных ему министров. При этом, правда, не забыл быстро прикрыть дверь, чтобы обезопасить себя в случае, если от обиды зверюга произвольно увеличилась в размерах и стала представлять нешуточную угрозу. Отомстил! Орэту надоело каждый вечер обнаруживать шерсть на своих дорогих камзолах и брюках. Она вездесуща! В этом Таримане даже присесть нормально невозможно без риска нацепить на одежду намертво прилипающий клочок. Хорошо еще, что у него реальной аллергии нет, как советовали говорить в канцелярии, поэтому не стоит ожидать неприятных последствий столкновения с мурчианой...

— Ваше величество, новости из Таримана!

— Они наконец определились, какие земли отдают нам?

— Нет, они передают тело посла вместе с соболезнованиями, — скривился щегольски одетый мужчина лет тридцати с регалиями маркиза на шее. Он служил секретарем и являлся доверенным лицом, которому многое позволялось.

— Опять, — недовольным тоном протянул король Белавии. — Что на этот раз? Дуэль?

— Говорят, нападение хищников. Сам я тело не осматривал, запах уже чувствуется. Весна все-таки.

— Посол там что, на охоту ездил?

— Не могу знать. Глава тариманской делегации по-белавски только одно слово выучил: «хищник». Больше я от него ничего добиться не сумел.

— Я же просил найти какого-нибудь специалиста по их языку! — сердито хлопнул ладонью по ручке кресла пятидесятирехлетний моложавый король. В уединении кабинета он мог себе позволить подобную вспышку, хотя на людях всегда старался держать лицо.

— Извините, это не так просто сделать, язык довольно сложный и совершенно не популярный. Границу с Тариманом всего год назад открыли. Всех знающих мы с самого начала с дипломатической миссией отправили, а тех, кто более-менее усвоил пару глаголов, следом в качестве замены убитым послали. Можно, конечно, двоих оставшихся отозвать... Но вы ведь сами были против, когда у нас последний раз зашла речь об этом!

— Там они нужнее, — насутился король. — А из новых неужели никого не появилось? Во дворце десятки бездельников к ужину в трапезную сползаются!

— Э-э-э... Знаете, опыт предыдущих представителей Белавии в Таримане не очень вдохновляет их на изучение языка. Вот если бы требовался специалист по валорскому, лернийскому или, в крайнем случае, мартнаильскому...

— А ты сам?

— Но... но я ведь тут вам служу, — пришел в замешательство и не на шутку взволновался секретарь. — У меня море обязанностей, свободного времени на изучение одного из многих языков соседей просто нет!

— Жаль, нам бы сейчас пригодился человек, способный расшифровать речь приезжих. К сожалению, чери Трант не побеспокоился прислать дипломатов в ответ. Странные все-таки эти тариманцы, — пожаловался король Абернан II и побарабанил пальцами по подлокотнику. — Может, по всем городам и деревням клич кинуть?

— Это можно. Хотя люди, доставившие тело, уже наверняка отбыли назад, — осторожно сообщил секретарь. — Они очень торопились и даже не стали расседлывать лошадей.

— Удрали, значит, — сделал вывод Абернан. — Теперь вряд ли мы выясним, что в действительности случилось с послем. Но ты на всякий случай напиши его подчиненным, поинтересуйся. Хотя затевать новую войну из-за посла нам как-то не с руки...

— Да, ваше величество, будет сделано. Кого отправить на замену?

— Н-да, задачка, — протянул король, наморщив лоб и обхватив рукой подбородок.

— Опять ненужного амбициозного бездельника, кого не жалко? — предложил молодой человек.

— Нет. Этих надолго не хватает, — цинично отозвался Абернан. — Они вот то на хищников натываются, как нынешний шестой, то в драку сами лезут, не умея толком фехтовать. Пятый — не помню, как его там, — слишком уж обидчивый оказался, нам больше таких задир не надо.

— Совсем бесхарактерный и глупый там вряд ли чего-то добьется, тариманцы только силу уважают. Может, из вашей личной гвардии офицера покрепче подобрать?

— Было, — отмахнулся Абернан. — При втором после двоих гвардейцев отправляли, так они оба на дуэлях и полегли. Все никак не могли поверить, что у тариманских офицеров выучка лучше. И четвертого мои гвардейцы охраняли... Давай так: мне нужен лучший из лучших. Не важно, как у него обстоят дела со знанием языков, с обучаемостью, насколько он знатен и приближен ко двору. И желательно, чтобы он был не только хорошим воином и дуэлянтом, но и довольно сильным магом.

— Это уровень отнюдь не дилетанта. Как я понимаю, нам же не скандалист и бретер нужен?

— Рассудительность и хладнокровие обязательны, — согласился король.

— Тогда я, пожалуй, знаю только одну кандидатуру. Но этот человек вот уже несколько лет находится у вас в опале, — предупредил секретарь.

— Так даже лучше. Мне не придется жалеть о его смерти, если он окажется не так хорош, как ты, Триан, считаешь.

— Да, боюсь, годы ссылки могли немного сказаться на его форме. Но, по-моему, майор Нимейн, граф Иберникский, даже в свои тридцать девять сильнее и подвижнее многих.

— Не смей его хвалить! — взорвавшись, хлопнул Абернан сразу по двум подлокотникам.

А секретарь понял, что король все еще не простил своего бывшего доверенного офицера и злится на него за то, что тот увел у него фаворитку. И ладно бы после того, как та сдалась и

уступила вдовствующему повелителю... Но незаконнорожденная двадцативосьмилетняя дочь мелкого барона и служанки, прибывшая из поместья в качестве сопровождающей своей юной сводной сестренки, с самого начала отдавала предпочтение только Нимейну. И при первой же возможности сбежала к нему, наплевав на шанс возвыситься и разбогатеть. Плохо, что скандал приобрел широкую огласку, так как первая сплетница при дворе лично застала Фиану в жарких объятиях майора. Абернан был слишком вспыльчив, чтобы простить и сделать вид, что ничего особенного не произошло, что его интерес был не слишком глубок. Нимейна он не разжаловал до лейтенанта, но отправил в отставку без назначения пенсии за заслуги и сослал в унаследованное от отца поместье в трех днях пути от столицы. Фиане же запретил появляться во дворце, рассчитывая этим огорчить девушку и заставить ее переосмыслить и свое поведение, и свои предпочтения. Не думал король, что та отправится вместе с любовником; она казалась слишком тихой, покладистой и благовоспитанной, слишком правильной. Возможно, если бы провинившиеся официально сочетались браком, Абернан сменил бы гнев на милость спустя пять лет после оскорбительного события. Однако пара так и жила в грехе все это время, как ему периодически докладывали.

— Так вы против кандидатуры Нимейна, ваше величество? — немного сникнув, осведомился секретарь. Ему на ум просто не приходили другие претенденты, удовлетворяющие столь высоким требованиям. Нет, хорошие воины и маги в королевстве были, но они отличались то вспыльчивостью, то тщеславием, то глупостью во всем, что не касалось оружия и заклинаний, то уж слишком большой родовитостью. Абернан, конечно, сейчас в таком состоянии, что запросто согласится и на единственного герцогского сына, но... Триану еще дорога была собственная шея. Герцог наверняка выяснит, кто подал идею, и тогда не поскупится на месть. С сильными мира сего надо быть осторожнее в словах и особенно — в поступках. Триан не получил бы свою должность в возрасте двадцати трех лет, если бы уже тогда этого не понимал.

Король для разнообразия задумчиво побарабанил пальцами по стоящему перед ним массивному столу, после чего сказал:

— Пусть будет майор. Давай бумагу, я сам напишу приказ. Готов даже отменить ссылку в качестве вознаграждения и ему, и этой... если Нимейн добьется успеха и продержится в должности посла не меньше трех месяцев. А мы за это время подготовим дипломата, знающего тариманский язык. Займись! Подбери провинциального барона или там виконта какого-нибудь из захолустья, в котором о кончине шести послов и их сопровождающих в Таримане и не слышали бы. Жду список из десяти смертников.

— Гвардейцев с послом до места назначения направлять?

— Не стоит, Триан. Я уверен, что тариманцам плевать на отсутствие полагающейся по статусу свиты. А двоих помощников, оставшихся в Тааримааде, — старательно проговорил удвоенные гласные в названии столицы Таримана король, — вполне хватит для выполнения мелких поручений. От лишних людей в этой дикой стране одни только лишние проблемы! А мне потом опять делать вид, что я их не замечаю, чтобы не сорвать подписания мирного договора, — поморщился Абернан.

Триан в очередной раз притворился, что пропустил откровения монарха мимо ушей. Он и сам прекрасно понимал, что Белавия сдает позиции Тариману, что даже гибель седьмого, а то и восьмого посла за неполные полгода не заставит его повелителя выдвинуть претензии или предъявить ультиматум. Опасно и невыгодно. Но все равно, ни в коем случае нельзя признаваться, что видишь слабость первого лица государства. Настанет момент, когда это могут припомнить. Нет, Абернан отнюдь не самодур, но бывают у него вспышки гнева, когда под горячую руку лучше не попадаться, да и мстителен он, если уж затаил обиду.

— Донесения Нимейна вы будете читать лично, как и от других послов этой страны, или попросить его писать на имя нашего министра внешней политики? — на всякий случай спросил секретарь, а заодно и тему сменил, чтобы не допустить новых откровений и признаний в слабости.

— Министру! — выпалил Абернан.

Но когда Триан поклонился и повернулся спиной, чтобы удалиться — была ему позволена подобная вольность, — слышался окрик:

— Нет, стой! Пусть оформляет донесения на тебя. Будешь зачитывать их мне и лишь тогда относить министру.

— Как прикажете, — повторно поклонился секретарь с невозмутимым выражением лица. Он понимал, что монарха и любопытство мучает, с одной стороны, и гордость душит, не позволяя наладить общение с попавшим в опалу графом. Ведь разрешить напрямую обращаться к себе — это не только привилегия, это уже первый шаг к смягчению отношений, первая ступенька на пути к прощению. И если бы на эту ступеньку шагнул сам майор... Но он даже в письме не принес извинения за то, что посмел перейти дорогу королю! Вот уже несколько лет живет себе спокойно в глуши, занимается унаследованными землями и хозяйством, воспитывает сына...

Глава 1

ПРИБЫТИЕ ГОНЦА

Под потолком небольшой комнаты, скудно обставленной темной массивной мебелью, ярко горели магические светильники, хотя за узкими длинными щелями окон только начинало смеркаться. И при этом почти слепящем свете практически не мигая сидел, склонившись над большой линзой, молодой человек. Закатанные до локтей рукава рубашки обнажали крепкие жилистые запястья, две верхние пуговицы на груди были вольготно растегнуты для удобства. На лице застыло сосредоточенное выражение, даже маленькая складочка между бровей залегла. Отвлекаться ему было нельзя. С интервалом ровно в пятнадцать секунд по лежащему перед ним механическому хронометру юноша поочередно подхватывал пинцетом под линзой крохотные твердые горошинки трех минералов, в которых обычный обыватель не нашел бы никаких отличий, и закидывал их в колбу над горелкой. Работа требовала сноровки и недюжинной усидчивости. Не всякий выдержал бы три часа такой пытки, даже зная, что в итоге получит астерлис — универсальное лекарство, буквально за три дня заживляющее тяжелейшие раны, вплоть до смертельных. Маги так и вовсе через пару ударов сердца уже бегать начинали. Полезное зелье, но очень редкое и дорогое, доступное отнюдь не всем. Мало того что для него требовались редкие травы и минералы, так еще и не всякий специалист мог его изготовить. У лучших столичных аптекарей на одну успешную попытку приходилось две-три неудачных. Секунда промедления при добавлении компонента — и все, дело провалено. Но это у аптекарей, юноша в этом плане был значительно успешнее. В последние два года он не испортил ни одной заготовки. И при этом не возгордился, не преисполнился презрением к профессионалам.

Бросив последнюю крупинку и проследив, как бурлящее зелье меняет цвет с бурого на невероятно яркий изумрудный, парень выпрямился, расслабил напряженные мышцы, а потом с видимым удовольствием потянулся. Готово. Он потушил огонь и отставил колбу остывать на специальную подставку. Собственно, на столе на расстоянии вытянутой руки уже выстроился целый ряд склянок с различными составами. Были среди них и яды от вредителей, и снотворное для престарелой матушки кастеляна, и средство от радикулита, и еще множество всякого разного с непонятными пометками на наклеенных этикетках. Все свидетельствовало о страстной увлеченности хозяина комнаты алхимией. И только он сам знал, как же он ее ненавидит. Но молчал и не признался бы даже самым близким — приемному отцу и его возлюбленной.

Встав, парень сделал несколько приседаний, после чего подошел к стеллажу и вынул из подставки маленькую узкую пробирку с землисто-коричневой субстанцией. Как же ему все это надоело! Но надо пить, пора. К ужину хотелось бы спуститься из башни в нормальном виде. Домашние и слуги притерпелись к нему всякому, но прибывшего несколько часов назад и оставшегося до завтра гонца из столицы лучше не пугать.

Молодой человек приблизился к зеркалу напротив стеллажа и с грустной улыбкой посмотрел правде в глаза. Так надо, чтобы не забыть о своей ущербности, чтобы черпать в воспоминаниях решимость, настраивать себя на дальнейшее освоение ненавистной алхимии. Он многого добился. Теперь, выпив несколько граммов жидкости, он целых двенадцать часов выглядел почти нормальным. Зрячим.

«Бельмоглазый!» — дразнили его в детстве многие мальчишки, а девчонки испуганно шарахались. Кто бы только знал, как страстно он тогда мечтал о самых обыкновенных глазах — таких, как у окружающих. У него же вокруг крохотной точки зрачка было лишь белесое глазное яблоко. Почти все принимали его за слепого. Но он видел! И это служило еще одним поводом для насмешек со стороны других детей. Калеку они могли бы пожалеть, а зрячий урод жалости не вызывал, лишь любопытство, гадливость и стремление показать ему место — среди отбросов. К сожалению, отпрыски аристократов, с которыми он рос и воспитывался во дворце почти до тринадцати лет, знали, что он им не ровня. Всего лишь прие-

мыш, найденный молодым графом Иберникским в кустах во время одного из рейдов против сектантов в самом начале военной карьеры. Не раз его «просвещали», что родители наверняка испугались появившегося на свет уродца и при первой же возможности выкинули в лесу. От обиды мальчик лез драться, неоднократно был бит превосходящими силами противника, но, как ни странно, не обратился к отцу с просьбой помочь, научить, куда целиться, не озлобился, хотя в результате все равно был вынужден заниматься и фехтованием — полагалось как аристократу, пусть и мало кем из подростков признанному. Оружием и единоборствами парень не увлекся, уже тогда понимая, что всех не побьешь, всем рот не заткнешь; он поставил целью изучить алхимию и найти способ сделать себе нормальный цвет глаз. Хотелось бы голубой, как у приемного отца, но...

Быстро проглотив противную вязкую субстанцию, молодой человек проследил, как вокруг зрачков медленно формируются темно-коричневые, почти черные круги. Что ж, он рад и такому цвету.

Зеркало послушно отобразило крепкого симпатичного кареглазого парня с растрепанной русой шевелюрой, которой в ближайшее время явно не помешала бы стрижка. Фиана уже недели две порывалась приблизиться к нему с ножницами. Но пусть лучше и дальше на отце тренируется, а то опять до короткого ежика доравняется. Н-да, ее увлечение самостоятельным приготовлением пирогов в прошлом году было значительно предпочтительнее. Кривые, но вкусные кексики, булки и другая выпечка устраивали и старшего и младшего графа, несмотря на неказистый вид. Но парень соглашался мириться с любимыми часто меняющимися увлечениями возлюбленной отца, лишь бы пара была счастлива. Да и, честно говоря, он был благодарен Фиане за то, что та поспособствовала переезду из комнат в дворцовых казармах в поместье, тут ему значительно лучше. Еще бы сестренку получить... Может, тогда Фиана и на свадьбу, наконец, согласится, перестав винить себя в погубленной карьере отца? И ведь понимает же, что тут ему тоже неплохо, жизнь кипит: то разбойники заведутся, то людей для сбора урожая не хватает, то деревенские праздник затеют, в гости пригласят, то с соседями разбираться приходится из-за вытоптанного чужим стадом пастбищ. И подраться можно, и повеселиться — скучать просто некогда. А на службе

у Абернана II разве что сражаться пришлось бы чуть чаще, да во всяких парадах и смотрах участвовать, наследника по таким же, как у них, поместьям сопровождать.

Интересно, а какие новости привез гонец? Тревожно что-то на душе, ведь пять лет о них никто важный из столицы не вспоминал. К добру ли? Не пришлось бы менять налаженную жизнь в поместье, бросать приятелей и стекающие сюда заказы на алхимические зелья от немногочисленных, но денежных и проверенных клиентов. Парню нравилось зарабатывать на личные расходы самому, не обращаясь каждый раз к графу. Нет, приемного отца он любил как родного, но, согласитесь, в восемнадцатилетнем возрасте приятнее иметь собственный источник дохода и ни от кого не зависеть. Хотя многие из знакомых детства назвали бы подобное стремление плебейским, у аристократов зачастую десятки родственников жили на подачки главы семейства.

Бывали моменты, когда мысль о том, что настоящие родители бросили его, сильно огорчала, вводила в депрессию и заставляла относиться к себе чересчур самокритично и требовательно. Хотелось доказать всему миру, что он тоже чего-то стоит, обратить на себя внимание. Но конечно же ни внимания, ни известности за свои недолгие лета парень не приобрел — не успел, зато уважение определенного важного круга лиц честно заработал благодаря старанию и усидчивости. Пусть он не был доблестным воином, как отец, не являлся героем чьих-то грез, о нем не шептались по углам, пусть. В основном его все устраивало. Да и граф ни разу не дал повода усомниться в своей любви, воспитывал как родного, и, кажется, даже давно перестал замечать «бельмоглазость». Это и понятно, любовь ослепляет, привычка замутняет взор. Нимейн даже лично выбранное красивое аристократическое имя Никоэль сократил до ласкового Ник или Нико. И никогда не забывал о дне рождения отпрыска, назначенном наугад на подходящую дату, насколько разбирался тогда в младенцах. Вот и два месяца назад целый праздник устроил, пригласив соседей с дочерьми в тщетной надежде, что хоть одна из них приглянется. На дополнительном обучении фехтованию он не настаивал, удовлетворился малым, преподав минимальные необходимые навыки самообороны и убедившись, что после алхимических занятий в неподвижности парень не пренебрегает физическими упражнениями и полосой препятствий, ко-

торуую соорудил у себя для отряда воинов. Ни разу не пожалел об отсутствии магического дара у приемного сына, оказал поддержку в освоении алхимии, достал книги, нашел первых поставщиков минералов, выделил помещение... Найденышу грех было жаловаться на судьбу и отношение к себе. Нимейн являлся сразу и отцом, и лучшим другом, несмотря на разность интересов.

— Мастер Никоэль, — раздался голос кастеляна с лестницы, и в дверь негромко постучали три раза, деликатно привлекая внимание. — Его светлость спрашивает, спуститесь ли вы к ужину или можно садиться за стол без вас?

— Сейчас приду, — отозвался молодой человек. — Вернан, а гонец с нами? Не отбыл ненароком?

— Тут он, — ответил слуга, заглядывая в комнату. — Я лично хотел вас предупредить, чтобы не возникло неудобной ситуации. Чужой человек все-таки.

— А ты, случайно, не в курсе, какие новости он привез?

— Граф унес письмо в кабинет и там обсуждал содержание с госпожой.

— Я буду очень разочарован, если ты скажешь, что не услышал ни слова.

— Ну разве что случайно и всего два слова, — с заговорщицкой улыбкой протянул кастелян.

— Ты же знаешь, что я не выдам. Говори.

— Послом вашего батюшку назначают.

— Что? Куда?! — не сдержался и повысил голос молодой человек.

— Самому интересно. Не хотелось бы, чтобы вы переезжали в другую страну, бросив поместье, — честно признался слуга. — Лучше бы граф отказался.

— К сожалению, королю не отказывают. Отец обязан выполнить приказ, иначе это будет государственной изменой. Одно дело — личные противоречия и обиды и совсем другое — служба.

— Да-а, беда, — вздохнул Вернан. — Может, хотя бы вы вместо его светлости останетесь? Или собираетесь с семьей на чужбину?

— Посмотрим. Мне надо поговорить с отцом.

— Тогда спускайтесь. Ужин через пятнадцать минут, — сверился кастелян с карманным механическим хронометром.

— Хорошо, иду. Вернан, снотворное для матушки прихвати, пожалуйста. Остальные склянки я сейчас тоже спущу вниз и завтра утром разнесу заказчикам. Конечно, если будет время самому мотаться по соседним поместьям и в курьерскую службу.

— В свою комнату на другой конец дома вы сейчас не успеете. Разве что бегом.

— Ничего, на буфет поставлю. Там их все равно никто не тронет, горничные привыкли.

— Только рубашку поправьте, мастер Никоэль. Давайте я вам помогу опустить рукава.

— Опять эти формальности, — поморщился молодой человек, но позволил расправить ткань на левой руке, пока правой застегивал пуговицы на груди и укладывал воротник, как положено.

— Батюшке-то вашему и госпоже все равно, сами не любят церемоний, но гость... Мне он не слишком понравился, — откровенно сообщил Вернан. — Нос сильно задирает и на слуг сверху вниз смотрит. Эстею в углу зажал, мне нагрубил, когда я вмешался. Нехороший человек, гнилой.

— Плохо дело, — протянул молодой человек, продолжая приводить одежду в порядок. А сам тем временем задумался: может, и не стоит спускаться к ужину? Новость он уже знает, обсудить назначение и планы с отцом не поздно и после, в кабинете, не в присутствии же чужого человека объясняться. Так стоит ли портить себе аппетит? Гораздо проще сбежать в деревню, в таверну.

— Плохо, и не говорите, — согласился кастелян. — Гонец-то уже два раза нашу госпожу себе под нос шлюхой успел назвать. Извините, что я так прямо, сам я так не думаю.

— Как он посмел?! — вскинул голову парень. Из-за сильных эмоций состав крови немного изменился, и это тут же отразилось на эффективности выпитого алхимического состава — цвет глаз поблек, радужки словно выцвели. Но все быстро вернулось в норму, когда Никоэль взял себя в руки. Кому-то это явление могло показаться причудливой игрой света, однако и он сам, и часто наблюдающие за ним слуги знали, что все не так просто. — Вернан, я лично прослежу, чтобы этот тип больше не смел и рта раскрыть! Фиана не заслуживает оскорблений, тем более от какого-то придворного хлыща.

— Осторожнее, мастер Никоэль, не доведите дело до дуэли. У гонца с собой шпага, и, судя по всему, управляется он с ней неплохо, оружие ему ничуть не мешает. Поверьте, я уже посмотрелся на друзей и подчиненных графа.

— Не волнуйся обо мне. Три капли из склянки с буфета — и грубиян просто не сможет меня вызвать, голоса не будет, — усмехнулся молодой человек.

— Это из той, что вы собирались отослать сыну глуховатой баронессы?

— Говори уж прямо — глухой горлопанки. Я с ней общался всего один раз, так до сих пор с ужасом вспоминаю. Она имеет нехорошую привычку притягивать к себе голову собеседника, придвигать губы к уху и орать изо всех сил. После одной капли лекарства звук для окружающих становится комфортнее, уже не оглушает, — заметил Никоэль, аккуратно подхватывая и распределяя свои склянки, чтобы не уронить по дороге вниз. — После трех же капель на сутки обеспечена полная блаженная тишина.

— Все равно не рискуйте понапрасну. Граф сам способен поставить на место любого обидчика госпожи.

— В том-то и дело, что при отце гонец вряд ли рискнет высказаться. Сколько я себя помню, при дворе при нем все всегда приторно улыбались и расточали лживые комплименты. Даже мне! У этих аристократов отменное чутье на неприятности, инстинкта самосохранения у них не отнять. Ладно, я готов. Буду следить, чтобы гонец ни в коем случае не остался наедине с Фианой и не ляпнул чего-нибудь оскорбительного.

— Вас тоже могут оскорбить, — предупредил слуга, распахивая дверь.

— Плевать! Я не гордый, про меня пусть говорит, что хочет.

— Неправильно это, мастер. Вы лучше большинства этих хлыщей. И как вы не поймете? Вам бы еще несколько уроков у графа взять...

— Ну-у, худо-бедно я и сам могу махать шпагой, — напомнил Никоэль, начиная спускаться по довольно крутой лестнице вдоль наружной стены квадратной башни. — А лучше мне и не надо, только глупцы рвутся рисковать жизнью из-за каких-то слов в отношении себя.

— При дворе за такое долготерпение и уступчивость будут презирать, — заметил Вернан, торопясь за молодым господином.

— Если бы меня так волновало чье-то мнение, то даже в детстве, имея за плечами лишь несколько уроков от отца, мне пришлось бы драться каждый день, причем с теми, кто старше, опытнее и сильнее. И в чем же достоинство и честь этих лицемерных правдолюбов? А нет у них чести, которую они так стремятся продемонстрировать!

— Эх, мастер, мастер, трудно вам придется. И лебезить вы не привыкли, и защищаться с помощью ядов, интриг и подлых приемов толком не можете. Нет, все-таки как матушка оправится от своей мигрени, попрошу ее поговорить с графом о вашем дальнейшем воспитании.

— Вернан, только кормилицу отца сюда вмешивать не надо! Я уже взрослый и совершеннолетний. Ты не находишь, что поздно воспитывать? Я не собираюсь жить в серпентарии при дворе.

— Но как сыну посла вам придется возвращаться в высших кругах. Или вы все же тут останетесь?

— Ой, не пытайся заранее поймать меня на слове. Я же сказал — не решил еще. И не нервничай почему зря. Так уж получилось, что если отец — мастер фехтования, то я — мастер делать вид, что не замечаю и не понимаю чужих оскорблений. Высот отца мне никогда не достичь, даже пробовать не хочу. Я — не он, да и магией не владею. Иногда очень забавно наблюдать, как кто-то наизнаку выворачивается, пытаясь меня хоть чем-то задеть.

Слуга это все и сам знал, частенько наблюдал общение молодого хозяина с заезжающими на ночевку именитыми напыщенными аристократами и некоторыми спесивыми поначалу заказчиками, которые искали умелого алхимика, но не ожидали найти его в лице парня со странными глазами. Если Никоэль в тот день не пил свое зелье, то гости в полном составе поочередно, по мере столкновения, принимали его за слепого и относились брезгливо, как к юродивому. Тем более что с одеждой он не утруждался, за модой не гнался. Случайный человек по внешнему виду вряд ли опознал бы в нем графского сына, скорее принял бы за секретаря. И потому Вернан искренне переживал, когда люди проявляли пренебрежение и не воздавали должное тому, кто, по его мнению, действительно был достоин входить в высшее общество Белавии.

До дверей столовой Никоэль так и дошел под воспитательное бурчание кастеляна. Тот не часто позволял себе высказы-

ваться и давать советы, но уж если начинал... Парень в ответ только добродушно усмехался. Может, кого-то подобные речи от слуги раздражали, но Ник никогда не злился на проявления заботы, ему было приятно — значит, он не безразличен не только отцу. Итогом сложного детства для него стало настороженное отношение ко всем окружающим и поиск подвохов в каждом слове чужаков, он плохо сходился с людьми. И если во взрослом возрасте приятелями он мог бы назвать многих, то друзьями — только графа и Фиану.

Толкнув коленом дверь столовой, за которой царила странная тишина, Никоэль стремительно влетел в огромное помещение, сгрузил свои склянки на буфет, стоящий по правую руку, и только тогда развернулся к длинному столу для торжественных приемов. Отца и Фианы еще не было, а вот гость — незнакомец лет двадцати — уже сидел, вольготно развалившись на стуле с высокой спинкой прямо на графском месте во главе стола. Недовольно поджав губы, он наблюдал за суетой слуг, заканчивающих сервировку. Среди аристократов считалось вежливым и правильным опоздать на пять-десять минут или же — высший шик — прийти минута в минуту, под звон часов. Гонца же голод, похоже, пригнал раньше времени. Или же он просто не счел необходимым демонстрировать хорошее воспитание опальной семье. По совокупности факторов Никоэль склонялся ко второму варианту. А еще ему очень не понравилось настороженное молчание слуг, которые, сколько он себя помнил, имели обыкновение весело переговариваться в процессе работы. Они даже тарелками не бренчали. Каждый предмет опускался преувеличенно аккуратно. Хотя граф никогда не старался воспитать из своих слуг безмолвных, незаметных, исполнительных теней и не запрещал вести себя просто и обыденно. В некотором роде все, долго проживающие в поместье, были для него чем-то вроде семьи с разной степенью родства и приближенности. Он ведь видел одни и те же лица на протяжении ряда лет и никогда не забывал, что перед ним такие же люди — не лучше, но и не хуже многих равных ему аристократов.

— Добрый вечер, — поздоровался парень, внимательно рассматривая гонца, одетого в дорогой камзол. А уж его кольца с огромными камнями могли ввести в искушение любого разбойника на дороге. — Позвольте представиться: Никоэль.

Последние слова прозвучали под бречание склянок, которые Вернан за его спиной пытался поудобнее устроить на буфете, чтобы никто не задел, потянувшись за стоящими тут же рюмками.

— Бельмоглазый — ты, что ли? — расслабился напрягшийся было при виде вошедших людей гонец. — Не узнал, не узнал. Стекляшки себе вместо глаз вставил? А видишь каким образом? Магия?

— Алхимия, — пожал плечами Ник. Вопреки собственным ожиданиям, в его душе ничего не дрогнуло, когда он услышал старое прозвище из уст аристократа, с которым, похоже, был знаком в детстве. А ведь раньше это прозвище всегда его злило, особенно если произносилось таким снисходительно-пренебрежительным тоном, как сейчас. Перерос. Когда-то чужое мнение было ему очень важно, теперь же... Почему он, собственно, должен принимать близко к сердцу мнение и слова напыщенных чужаков?

— Ну-ка, ну-ка... — Гонец не поленился встать и подойти ближе, после чего бесцеремонно уставился в лицо графского сына. — Точно не искусственные? А если я сейчас в один ткну?

— Не будь идиотом, — устало вздохнул Ник. — Мои глаза не так уж сильно отличаются от твоих.

— От ваших! — возмущенно поправил гонец. — Давай обойдемся без фамильярностей, я все-таки будущий маркиз. Совсем воспитание растерял в своей глухой деревне! Разучился общаться с настоящими аристократами. Впрочем, ты и не умел.

— А я и не рвусь с тобой общаться. Я, видишь ли, на ужин сюда пришел.

— Мог бы в таком случае не приходить. Ужин — это действие...

— Тебя забыл спросить, — перебил Никоэль. — Это у вас там, в столице, ужин представляет собой целый театрализованный спектакль, а у нас, в глухой деревне в двух днях езды от столицы, — ехидно заметил парень, — это просто прием пищи.

— Ты осмелел, однако, — смерил его изучающим взглядом, словно знакомясь заново, гонец. — Если не сказать — оборзел в край. Интересно, а дерешься ты все так же плохо? — ненавязчиво переместил аристократ ладонь на рукоять шпаги,

которую хорошему гостю стоило бы оставить наверху, в ответственной ему комнате.

— Дерусь я обыкновенно — кулаком в глаз. Мы, знаешь ли, в глухой деревне люди простые, гостей при шпагах встречать не привыкли. Проще вот так... — И Никоэль молниеносно выбросил руку вперед, остановив кулак в нескольких сантиметрах от лица нахала.

Гонец запоздало отшатнулся и на всякий случай ощупал левый глаз, в который был нацелен удар.

— Ты же... ты же мог... — От избытка чувств у аристократа перехватило дыхание, лицо покраснело.

— Не мог. Я всегда точно рассчитываю свои движения. Вот если бы реально захотел ударить...

— Так дерутся плебеи! Где твоя шпага?

— Я ее уже года полтора не видел. Наверное, где-то под кроватью валяется, если слуги не подобрали, — хладнокровно ответил Никоэль, с затаенным удовольствием наблюдая, как бесится аристократ. Н-да... Даже не ожидал от себя такой мстительности. Хотя разве же с этим хамом можно нормально общаться? Вот теперь и посмотрим, осмелится ли гонец и дальше нарываться на драку, зная, что проходить она будет не по дуэльным правилам и не тем оружием, которым он, несомненно, великолепно владеет. Главное не зайти слишком далеко и не переступить ту грань, за которой спесивому гостю станет все равно, есть ли в руках противника оружие или придется бесчестно напасть на человека без шпаги. Все-таки некоторые принципы и моральные запреты существуют даже у невоспитанных придворных хлыщей.

Никоэль полюбовался на немного растерявшегося гонца, который, очевидно, соображал, как вернуть беседу в привычное для него русло. Все же, сколько бы аристократы при дворе не дразнили его на словах приемышем и безродным приживалой, в мыслях все равно считали практически ровней себе. Они ведь получили одинаковое воспитание, росли рядом. И теперь нетипичная реакция и признание в отсутствии оружия, да и в отсутствии желания им помахать, сильно озадачили задиру. Поэтому Ник решил избавить его от колебаний и еще больше сбить с толку.

— Вина? — миролюбиво предложил он, сделав шаг к столу, где стоял графин, и, не дожидаясь ответа, принялся наливать

аперитив в два бокала, для чего ему пришлось повернуться спиной.

Сзади раздалось сдавленное ругательство. Но нападения, как и ожидал Ник, не последовало. И даже — о чудо! — аристократ не стал продолжать перепалку и принял бокал с вином, который тут же и выпил залпом.

Сам приемный сын графа Иберникского едва пригубил янтарный напиток. Не любил он горячительное, туманящее мозг, хотя признавал, что иногда стоит сделать несколько глотков за компанию для налаживания отношений или лучшего течения сложной беседы.

«Н-да, — с легкой грустью мысленно вздохнул Ник, — а ведь я, кажется, стал натуральным гадом — хладнокровным и язвительным. Сам не заметил, как это произошло. Ведь совсем недавно еще захлебывался от эмоций, стоило кому-то нанести словесное оскорбление. Вырос, наверное. Восемнадцать лет — это уже не детский возраст».

Пока парень предавался ностальгии, дверь столовой распахнулась и послышались торопливые шаги Нимейна и шелест юбок Фианы, которая пыталась не отстать от графа. Кажется, они обсуждали назначение до последнего и чуть не опоздали к ужину. Граф был высок, мускулист, темноволос, никто не дал бы ему больше двадцати с хвостиком. На его фоне и так миниатюрная и изящная девушка казалась еще более тонкой и хрупкой. Длинноволосая блондинка напоминала фею, а мужчина рядом — ее рыцаря.

— Я смотрю, вы уже познакомились, — бросил граф, подходя к своему месту. Он так и не узнал, что, явившись минут на десять раньше, рисковал обнаружить кресло занятым.

— Э-э-э... — протянул Ник, только сейчас сообразив, что имя-то как раз спросить забыл. Перехвалил он себя, до взрослого ему еще далеко. Дурак! Хотя... Парень незаметно покоился на спесивого гонца. Стоит ли вообще возобновлять знакомство? Он легко переживет, не зная, с кем сейчас чуть не сцепился. Забавно, однако. В детстве он и представить не мог, что обидчиков можно сбивать с толку, выводить из себя, подначивать и подбивать на действия, которые те не собирались совершать. Тогда ему хватало ума только на то, чтобы неумело разыгрывать невозмутимость, хотя внутри все бурлило.

— Мы знакомы, — буркнул гонец, с громким стуком опуская пустой бокал на стол. Он был недоволен собой — повелся

на провокацию, утратил инициативу, ничего не добился. И вдобавок ко всему только что потерял место во главе стола. А ведь собирался дать понять графу, что тот при дворе по-прежнему изгой, расходный материал. Только глухой сейчас не знал, что в Таримане опять требуется посол и на эту роль Абернан подставил бывшего майора. Не все, правда, одобрили такое решение монарха, кое-кто тайком ворчал, а то и возмущался. У графа осталось при дворе довольно много друзей, поклонников, доброжелателей. Странно только, что и Бельмоглазого при этом вспомнили, сам придворный лекарь, не скрываясь, громко посетовал, что негоже оставлять молодого парня сиротой, он нужен в добром душевном здравии. К чему бы это?

Будущий маркиз неприязненно покосился на русоволосого приемыша. Внешне тот мало изменился за годы проживания вне столицы, его легко было узнать. Немного вытянулся, стал не таким хлипким, более жилистым. А вот растрепанная шевелюра и серьезное лицо почти те же, пусть и на несколько лет взрослее. Как же бесит этот его замерший взгляд, словно он увидел в пространстве что-то интересное, недоступное иным смертным, и теперь пристально изучает! Да и новые привычки в поведении просто выводят из себя. Раньше Бельмоглазый не был так спокоен, язвителен и уверен в себе. Сбить бы с него спесь... Да и графа задеть не помешает. Абернан наверняка оценит, если кто-то отомстит за его неудачу в любви.

— Да вы садитесь, — радушно пригласил к столу хозяин поместья. — Нико, покажи гостю пример.

— Он моему примеру все равно не последует, иначе закинул бы шпагу куда-нибудь подальше. Не в качестве столового прибора он же ее сюда принес.

Граф нахмурился, догадавшись, что сын находится не в лучших отношениях с гонцом. Да и последний оказался явно не в самом благодушном настроении. Но сын правильно заметил: нормальные гости с оружием по чужому дому не разгуливают. Хотя надо сделать скидку на молодость гонца, в его возрасте многие ведут себя развязно. К тому же нельзя сейчас, когда Абернан вспомнил про них, без серьезного повода ссориться с его посланником. Любой мелочи может оказаться достаточно, чтобы угодить не просто в опалу, а в тюрьму или на плаху. И если бы при этом он отвечал только за себя... Но нет,

достанется и Нико, и девушке, которую он уже несколько лет хотел бы официально назвать женой. Не зря же Триан дописал от себя просьбу быть аккуратнее, исполнительнее и беречь себя. И его совет — сразу по приезде продемонстрировать невзначай что-нибудь впечатляющее из магии и пригласить тариманцев на совместную разминку с оружием — тоже был дан явно из лучших побуждений. Хороший мужик этот секретарь, ни с кем специально не ищет ссоры и готов помочь любому... если ему это ничего не будет стоить. Так что гонца задевать нежелательно, пусть задирает нос, цедит слова через губу, кидает презрительные взгляды... Мальчишка же! Ненамного старше его сына. Такого ранить на дуэли — себя не уважать. Лучше попробовать после ужина поговорить с ним по душам за рюмкой коньяка, польстить самолюбию. Авось толку больше будет, расскажет, что еще не так с этой должностью посла. Хотя слухи о частой гибели белавцев в Таримане доходили и до поместья.

— Присаживайтесь оба, — попросил молодежь граф. — Нико, завтра утром мне надо кое-что обсудить с тобой в кабинете.

— А почему не сегодня после ужина? — вскинул голову парень, которому не терпелось узнать новости в подробностях из первых уст.

— Сегодня мне бы хотелось угостить Риардона коньяком. А ты ведь не пьешь. Надеюсь, вы не откажетесь? — повернулся граф к молодому гонцу.

— Пожалуй, соглашусь, — с важным видом кивнул тот и с чувством превосходства посмотрел на Бельмоглазого. Так его!

Ник пожал плечами и ничем не выказал своего разочарования. Он взялся за столовые приборы и улыбкой просигнализировал служанке, что готов попробовать первое блюдо. Если отец хочет остаться вдвоем с этим Риардоном, значит, так нужно. Значит, он намерен напоить его, благо что сам не пьянеет, и выяснить что-то полезное. Пусть поговорят, а он тем временем может расспросить Фиану. Ехать ему с отцом в Тариман или не ехать — вот в чем вопрос.

В задумчивости парень не обратил внимания, как за ужином разговорился гонец, польщенный вопросами и похвалами с завуалированной иронией от человека, овеванного славой, не потерявшего уважения из-за опалы. Как аристократ постоянно оглядывался на него, желая увидеть ревность и

злость, а вместо этого злился сам, обнаружив полнейшее равнодушие. Роли поменялись. Теперь будущий маркиз хотел признания своих заслуг, хотел видеть в глазах отстраненного от двора младшего отпрыска семейства зависть. Бельмоглазому ведь никто не доверял важного письма с подписью самого короля! Однако Риардон не учитывал, что Никоэлю уже не нужно было самоутверждаться, тот знал, на что способен, знал, что может приносить пользу, что его ценят. А те, кто считает его пылью под ногами... Пусть живут. Он не золотой бейлар, чтобы всем нравиться.

Фиана первой удалилась из-за стола, извинившись перед гостем. Однако напоследок она не забыла кинуть выразительный взгляд на Никоэля, намекая, что не прочь поговорить.

Игнорировать ее желание парень не стал, ведь и он хотел того же. Возможные перемены волновали обоих, заставляя гадать, к лучшему они или к худшему. Не прошло и двух минут, как Ник отодвинул от себя блюдо, аккуратно положил столовые приборы ручками к себе и поднялся.

— Пожалуй, я тоже пойду. Риардон, приятно было повидаться, — сказал он. А что? Действительно приятно. Он наконец понял, что призраки прошлого над ним не властны, детские обиды не довлеют над разумом.

Вместо ответных заверений королевский посланник только неопределенно дернул головой. Ему-то встреча не доставила никакого удовольствия. Ишь, осмелел! Вместо насквозь лживых заверений во взаимности он заявил:

— Приезжай ко двору, Бель... Никоэль. Поздороваешься со старыми друзьями. Да и они... поздороваются.

— В смысле — отсалютуют шпагой? — усмехнулся парень. — Нет, спасибо. Уж лучше пусть они к нам в деревню, — еще раз поддел он, — едут отдохнуть. А мне и тут хорошо живется, спокойно.

— Ну-ну, посмотрим, как тебе понравится в Таримане. И не останешься ли ты там... навечно.

— Кто тебе сказал, что я туда собираюсь?

— Но... — начал возражать Риардон, однако не договорил. Действительно, насчет Бельмоглазого король вряд ли прислал какие-то распоряжения. Драконы побери этого приемыша! Неужели ему так и сойдет с рук борзость?! Нет, надо что-то придумать, чтобы отомстить. Будущий маркиз нахмурился, натужно соображая. К сожалению, на ум ничего не приходи-

ло, идеи не торопились осенять его голову. Кажется, он перебрал с вином, тем более что граф подливал, не жалея. Да он и не отказывался, рассчитывая посадить хозяевам расточительными затратами на неразбавленный водой дорогой выдержанный напиток.

— Ладно, я вас оставляю, — махнул рукой Ник, подхватил яблоко и, развернувшись, стремительными шагами направился прочь. Надо многое обдумать. И в частности, как он сам будет жить в поместье, когда отец с Фианой отправятся к месту службы. Спасибо Риардону, благодаря его поведению он только что окончательно определился с решением: к драконам этот Тариман! Королевский двор — это не лучшая для него среда. Опять интриги, оскорбления, подвохи в каждом слове, опять неприязнь, когда обнаружится главный недостаток его внешности. А дефект глаз обязательно выплывет наружу, ведь если жесты и выражение лица можно жестко контролировать, то собственные гормоны... Нет, свет на столицах не сошелся.

Жуя яблоко, парень быстро шел к гостиной, где в кресле у камина рассчитывал найти Фиану. Это было одно из ее любимых мест для занятия рукоделием. Паркет чуть слышно поскрипывал под его весом, зато пара дверей на пути не издали ни звука — петли были хорошо смазаны. За домом и угольями присматривали на совесть даже без подробных распоряжений и указаний графа.

— Ну-с, делись новостями, — бодро попросил Ник, заходя в гостиную.

— До сих пор успокоиться не могу, мне кусок в горло не лез, — пожаловалась пассия отца, вышагивая по комнате кругами и заламывая руки. — Не верю я, что с этим назначением все так просто! Это же подтверждает и найденная в конверте с указом записка от Триана — секретаря его величества. Он честно предупреждает, что в Таримане опасно, посланники мрут, как мухи. Дуэли, неудачные состязания, в ходе которых происходят несчастные случаи, нападения хищников... А на ссору с тамошним правителем Абернан не пойдет! Он не выдвинет претензий, даже если в Тааримаад придется отправлять по представителю в день! Белавии нужен мирный договор, да и земля лишней не будет.

— Не волнуйся, отец справится. Дуэлями его не испугать, не зря же он один из лучших воинов и магов королевства. Он

секту adeptов темного Эара в полторы сотни человек единолично заклинаниями сдерживал! А помнишь, в прошлом году он наткнулся на отряд разбойничавших на дорогах оборотней? Ни сила, ни скорость не помогли им против выучки отца.

— А хищники?!

— Не думаю, что они страшнее оборотней, не надеющихся на помилование за свои зверства. Тем более что, в отличие от изгоев из Лернийского государства, у зверей нет логического и тактического мышления.

— Все равно я боюсь за Нимейна! — воскликнула Фиана, и по ее щеке скользнула одинокая слезинка, блеснувшая в свете ярко пылающего в камине огня. Магические лампы под потолком в комнате не горели, так как девушка предпочитала горевать в сумраке — так хуже видно выражение ее лица.

— Лучше побеспокойся о себе, — посоветовал Никозель. — Именно ты — слабое место отца. Ну и я, естественно. Только я уже решил, что в Таримане мне делать нечего. Пользы не принесу, зато могу нарваться на неприятности, если тариманские аристократы, так же как белавские, не приемлют физических недостатков.

— Да-да, в записке что-то было про желательность хорошей физической формы и отсутствие недостатков во внешности, — часто закивала Фиана. — Но... как же я? Может, мне тоже стоит остаться в поместье? Нимейн ведь не на всю жизнь переезжает, а только на полгода с обязательным условием, что за этот срок должен быть подписан документ о разграничении земель государств. С одной стороны, не хочется оставлять твоего отца без моральной поддержки и дружеского плеча рядом, а с другой... как бы мое присутствие не вышло ему боком.

— Думаю, отец не обидится, если ты дождешься его тут, — подойдя ближе, обнял Ник мачеху, стараясь поддержать ее. — А что он сам говорит?

— Отказывается меня брать, — тяжело вздохнула Фиана. — Я просила, но... Нимейн пообещал, что мы это еще обсудим, однако вряд ли поменяет решение. Если я и отправлюсь в Тааримаад, то вопреки его воле. Больше споров у нас было насчет тебя.

— Кажется, я догадываюсь. Отец хотел пригласить меня с собой, чтобы научить изворачиваться, когда имеешь дело с представителями власти, да? Он вечно ворчит, что мне не хватает общения и компании сверстников, что в моем возрасте в

поместье должно быть скучно, — протянул Ник, всем своим видом выражая несогласие с таким мнением.

— Нет, — огорошила девушка. — Наоборот — он настаивал, чтобы ты пожил тут. Нимейн тебя любит, а потому не хочет рисковать. Он же помнит, как переживал и расстраивался, когда при дворе в Вельте ты приходил с синяками, ссадинами, а то и вовсе с рассеченной шпагой кожей на конечностях. Шрамов не осталось только чудом. Благодаря эмоциям отцу удавалось лечить у тебя без всякой алхимии такие раны, какие на других он и стянуть-то до грубого рубца не сумел бы! Нимейн называет те события самым большим кошмаром своей жизни. Он же ничего не сможет сделать, если теперь, во взрослом возрасте, тебя вызовут на поединок чести, разве что отомстит как следует. Но это, сам понимаешь, не лучшее утешение.

— Пусть сначала сумеют вызвать, — усмехнулся Никоэль.

— Давай не будем шутить с опасностями, — попросила Фиана, умоляюще глядя в глаза парню. — Вы с отцом единственные в мире близкие мне люди, если не считать тех, кто близок только по общей крови.

— Не волнуйся, я и не рвусь рисковать. Если мне в ближайшее время что-то и грозит, то только дополнительная работа по исполнению заказов. У меня такое ощущение, что наш сосед, герцог Эсский, часть зелий переправляет в столицу и там перепродает. А иначе зачем бы ему столько астерлиса?

— Ты против?

— Нет, — покачал головой Ник. — Я в накладе не остаюсь, платят более чем щедро. Только не люблю я всех этих хитростей. Если астерлис нужен для кого-то из вельтских офицеров или придворных хлыщей, так бы и говорили. А то — знакомому надо... Нескольким дюжинам знакомых!

— Да-а, из тебя явно дипломата не получится, — забывшись, рассмеялась девушка. Но спустя миг на ее лицо опять легла тень беспокойства.

— Лучшая дипломатия — это честность. Если уж получаешь по шее, точно знаешь, за что, — хмыкнул Никоэль.

— Ох, надеюсь, ни у кого не найдется повода, чтобы рассердиться на Нимейна.

— Ты опять? Спокойнее, постарайся отвлечься и уснуть. Если хочешь, я могу дать тебе пару капель абсолютно безвредного снотворного, в столовой на буфете целая склянка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Прибытие гонца	15
<i>Глава 2.</i> Замена.	33
<i>Глава 3.</i> Встреча	53
<i>Глава 4.</i> Долгая дипломатия и быстрая драка	76
<i>Глава 5.</i> Знакомство с людьми и пушистыми нелюдями	94
<i>Глава 6.</i> Узник обстоятельств	111
<i>Глава 7.</i> Неудачный допрос и удачно подслушанный разговор . . .	132
<i>Глава 8.</i> Дуэль за дуэлью	149
<i>Глава 9.</i> Хорошая мина при плохой игре	169
<i>Глава 10.</i> Полоса белая, полоса черная... усовершенствованная . .	186
<i>Глава 11.</i> Конец полосы и начало новой проблемы	209
<i>Глава 12.</i> Встреча с недавним прошлым	226
<i>Глава 13.</i> Прощение и еще раз прощение	245
<i>Глава 14.</i> Выяснение отношений	266
<i>Эпилог</i>	278